

А.А. Васильев

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ГОСУДАРСТВЕННИКОВ-ОХРАНИТЕЛЕЙ (К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА, М.Н. КАТКОВА)¹

Аннотация: Статья посвящена до сих пор вызывающей споры теме – государственно-правовым взглядам русских охранителей – К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова. Автор попытался избежать негативного подхода к консервативной правовой мысли, который по-прежнему доминирует в отечественном правоведении. В статье показаны сильные стороны учения и влияние К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова на российскую политико-правовую практику конца XIX столетия. Автор рассмотрел учения о самодержавии охранителей и показал действие охранительной правовой доктрины в качестве источника российского права в период правления Александра III.

Ключевые слова: Юриспруденция, консерватизм, охранительство, реакция, стабильность, преемственность, самодержавие, традиции, обычай, порядок

В конце царствования Александра II, несмотря на крестьянскую, земскую и судебную реформы, нигилистические и революционные течения переходят к политическому терроризму. В качестве виновника народных бед и объекта терроризма избирается русский царь. Серия неудачных покушений на царя приводит к созданию Верховной Распорядительной Комиссии во главе с Лорис-Меликовым, которая получает широкие полномочия для борьбы с опасными революционными силами. Однако, 1 марта 1881 г. одно из покушений на царя приводит к трагическому исходу – царь погибает от рук революционера-народовольца.

В результате, наследник престола Александр III ввиду угрозы для самодержавия переходит от либеральных мер своего отца к режиму охранительства – ограждению монархии и безопасности общества от крамолы и революционных сил. В первых юридических актах императора Александра III «Манифесте о неизбежности самодержавия» от 29 марта 1881 г. и «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. впервые официально была выражена сущность охранительной идеологии – защита государственных и общественных устоев Российской Империи². С данными положением

можно непосредственно связать историю официального употребления термина охранительная доктрина в российской политико-правовой жизни³. В «Манифесте о неизбежности самодержавия» император Александр III так определил охранительное направление российской государственной политики: «Но посреди великой нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую мы призываем утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»⁴.

Не последнюю роль в формировании и осуществлении охранительной политики Александра III сыграли обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев, редактор журнала «Московские Ведомости» М.Н. Катков и редактор журнала «Гражданин» князь В.П. Мещерский, министр просвещения и министр внутренних дел граф А.Д. Толстой. Проект вышеуказанного Манифеста «О неизбежности» самодержавия был подготовлен под идейным влиянием К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, а обер-про-

¹ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консервативная правовая доктрина России: исторические и теоретические аспекты», проект № 11-03-00521а»

² Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия// Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. I. № 350. 1881 – 1913.

³ Ради справедливости нужно упомянуть использование термина «охранение» в более ранних источниках русского права. Так, Петр I принял указ об охране гражданских прав. Однако, в данном правовом акте речь шла о необходимости защиты гражданского строя России, но не охране консервативных государственно-правовых идеалов России, поскольку политика императора Петра I была антитрадиционалистской.

⁴ Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов./Под ред. Ю. С. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск-го унив-та, 1996.

курор составлял его окончательный текст. В современных публикациях переписки обер-прокурора с царем приводится письмо Александру III с текстом проекта манифеста «О незыблемости самодержавия», который и был утвержден монархом⁵. По сути дела, К.П. Победоносцев стал проводником консервативной правовой доктрины в качестве действующего источника права. Охранительная идеология стала компонентом правовой системы, получила официальное закрепление и реализацию в юридической практике. Царь в большинстве случаев одобрял проекты, исходившие от консерваторов-державников.

Наиболее весомую роль сыграл К.П. Победоносцев в вопросе учреждения в России Земского Собора с выборными от земств, на создании которого настаивали Лорис-Меликов, Абаза, а ранее Валуев. В день покушения на Александра II, царь намеревался подписать акт о создании такого представительного органа. Александр же III медлил, но речь и аргументы обер-прокурора на совещании по поводу созыва представительного органа привели к тому, что царь отклонил введение представительного учреждения, хотя и по славянофильскому варианту. По сути дела в высшей политической элите столкнулись два крыла консервативной идеологии – государственники (державники) и либеральные консерваторы, черпавшие часть своих взглядов в идейном наследии славянофилов. В этой борьбе первенство приобрели сторонники упрочения и сохранения самодержавия в неприкосновенности. Проект создания Земского Собора, предполагавший ограничение царских полномочий, угрожал существованию монархии и постепенной гибелью государственности.

На совещании с царем столкнулись либеральные и охранительные начала. Император Александр III избрал путь охранения государственности, что вполне объяснимо исходя из назревшей опасности для престола. Чашу весов в пользу непоколебимости самодержавия и лживости, опасности парламента в России склонил в своей речи К.П. Победоносцев. Главным доводом К.П. Победоносцева была апелляция к необходимости упрочения самодержавия в условиях возможной анархии и революционных потрясений. Либеральные начинания в таких условиях могли быть чреваты сползанием России в хаос парламентской борьбы, а позднее и в революционное свержение монархии. Так, в одном из писем самодержцу К.П. Победоносцев подчеркивал: «Самое первое, что теперь нужно России – спокойствие и бодрость духа царя, иначе невозможны ясное сознание и понимание настоящего положения и твердость и энергия действий. Государь должен иметь полную уверенность в том, что священная жизнь его самого и семьи его может быть, и всегда будет охранена от всех адских покушений потаенных злодеев»⁶.

⁵ *Победоносцев К. П.* Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 81 – 82.

⁶ *Победоносцев К. П.* Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 83.

Так же многие другие акты и решения правительством принимались под влиянием консервативных мыслителей – земская реформа с учреждением земских начальников, университетская реформа, изменение судебной системы и др. Кроме того, режим охраны государства и общества, обусловленный угрозами со стороны революционеров, привел к практически полному пресечению террористической деятельности, а все виновники покушения на царя были задержаны и преданы суду⁷.

Зачастую до сих пор в исторических работах невысокого научного уровня период царствования Александра III характеризуется в качестве реакционного и застойного – время мракобесов. Однако, нужно во внимание принимать объективные факты. Во-первых, Россия в этот период отдохнула от войн, за что царь получил имя «Миротворца». Во-вторых, в обществе был гарантирован правопорядок и стабильность. В-третьих, за счет протекционистских мер, экономика России стала эффективно развиваться. ВВП вырос в два раза, в Россию хлынули иностранные инвестиции, вскоре в обращении появился золотой рубль – показатель высокой стабильности и привлекательности русской валюты. В-четвертых, правительство создает первые акты по охране интересов рабочего класса, улучшает положение крестьян и дворян введением специальных кредитных банков. Не случайно, что для консерваторов того времени, Александр III стал идеалом русского царя – царя национального, оберегающего старину, традиции, русские святыни, народ, но без возврата в прошлое, а путем эволюции с опорой на русские традиции. Примечательно, что Александр III первый царь, который после долгого перерыва, стал носить бороду, как его далекие предки и славянофилы⁸.

По поводу ошибочного взгляда на реакцию и консерватизм М. Н. Катков в одной из своих статей отмечал: «У нас теперь в большом ходу слово реакция. Этим словом перекидываются как самым ругательным. Им запугивают наш слабоумный либерализм. Но скажите, ради Бога, не есть ли отсутствие реакции первый признак мертвого тела? Жизненный процесс не есть ли непрерывная реакция, тем более сильная, чем сильнее организм?»⁹.

Охранительным концепциям К. П. Победоносцева и В. П. Мещерского в литературе последнего времени было уделено внимание в работах Е. В. Тимошиной и А. С. Карцова¹⁰. Менее всего повезло М. Н. Каткову, на взглядах которого мы решили остановиться.

⁷ См: Проект записки о реформе судебных учреждений// *Победоносцев К. П.* Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 185 – 190.

⁸ См: *Боханов А. Н.* Император Александр III. –М.: ООО «ТИД Русское слово – РС», 2009. – 512 с.

⁹ *Катков М. Н.* Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 85.

¹⁰ См: *Карцов А. С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв. (князь В.П. Мещерский). – СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 418 с.

Однако, перед тем как перейти к Каткову, хотелось бы сформулировать ряд общих особенностей охранительной политико-правовой идеологии данного периода русской истории, во многом опирающейся на интеллектуальную традицию русского консерватизма VII – XIX вв.:

1. Идеал человеческой жизни был связан с поиском соборного устройства земной жизни оценка фетишизации государственно-правового начала в качестве ложного и опасного для души человека. По этому поводу К.П. Победоносцев отмечал: «Французская революция поставила себе целью обновить общество; но обновить его можно только применением к гражданскому обществу христианских начал»¹¹.
2. Опора власти и права на духовные основы, без которых они вырождаются в насилие и репрессии. В «Московском Сборнике» обер-прокурор записал: «Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного сознания. Народ, в единении с государством, много может понести тягостей, много может уступить и отдать государственной власти. Одного только государственная власть не вправе требовать, одного не отдадут – того, в чем каждая верующая душа в отдельности и все вместе полагают основание духовного бытия своего и связывает себя с вечностью»¹².
3. Концепция симфонии государственной и духовной властей с установлением православия в качестве государственной религии. В статье государство и церковь К.П. Победоносцев указывает: «Самая древняя и самая известная система отношений между Церковью и государством есть система установленной или государственной церкви. Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь исключительно поддерживает и покровительствует к предосуждению всех остальных церквей и вероисповеданий»¹³.
4. Оценка власти в качестве жертвы, бремени, которое на себя берет русский царь. В статье «Власть и начальство» К.П. Победоносцев так характеризует природу власти: «Великое и страшное дело – власть, потому что это дело – священное. Слово священный в первоначальном смысле значит: отделенный, на службу Богу обреченный. Итак, власть – не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек. Отсюда безграничная и страшная

сила власти, и безграничная, страшная тягость ее... Дело власти – есть дело непрерывного служения, а потому в сущности, – дело самопожертвования»¹⁴.

5. Восприятие самодержавия в качестве краеугольного камня русской культуры, величайшей русской святости, которая должна быть сохранена в неприкосновенности и не подвержена ограничению законом или парламентом;
6. Религиозно-нравственное понимание права как воплощения божественного закона, живущего в человеческом сердце и совести. В статье «Закон» обер-прокурор Священного Синода так определял существо закона: «Закон – с одной стороны правило, с другой стороны – заповедь, и на этом понятии о заповеди утверждается нравственное сознание о законе. Основным типом закона остается десятисловие: «чти отца твоего... не убий... не укради... не завидуй». Независимо от того, что зовется на новом языке санкцией, независимо от кары за нарушение, заповедь имеет ту силу, что она будит совесть в человеке, полагая свыше властное разделение между светом и тьмой, между правдою и неправдою. И вот где, – а не в материальной каре за нарушение, – основная, непререкаемая санкция закона – в том, что нарушение заповеди немедленно обличается в душе у нарушителя – его совестью. От кары материально можно избегнуть, карая материальная может пасти иногда, без меры, или свыше меры, на невинного, по несовершенству человеческого правосудия, – а от этой внутренней кары никто не избавлен»¹⁵;
7. Идея органического развития права как воплощения народного духа и провидения;
8. Идея примата национальных традиций, правового обычая по отношению к формальному закону;
9. Критика демократии, парламентаризма и свободы печати как мифов, служащих прикрытию власти денег и олигархов и самообману общества. По поводу парламента К.П. Победоносцев отмечал: «парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей»¹⁶.

М.Н. Катков в отличие от К.П. Победоносцева, В.П. Мещерского и А.Д. Толстого не состоял на государственной службе, но благодаря своему печатному органу «Московские ведомости» оказывал идеологическое влияние на царскую политику. Известно, что император Александр III был читателем журнала М.Н. Каткова и нередко прислушивался к его мнению. Так, университетская реформа, проведенная А.Д. Толстым и нацеленная на создание клас-

¹¹ К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1996. С. 84.

¹² К. П. Победоносцев Указ. соч. С. 80.

¹³ К. П. Победоносцев Указ. соч. С. 89.

¹⁴ К. П. Победоносцев Указ. соч. С. 238 – 239.

¹⁵ К. П. Победоносцев Указ. соч. С. 134 – 135.

¹⁶ К. П. Победоносцев Указ. соч. С. 101.

сического гуманитарного образования, вдохновлялась редактором «Московских ведомостей». М.Н. Каткова отличала широта кругозора, в своей газете он касался практически всех государственных и общественных вопросов: от сущности самодержавия до охраны лесов и цензуры и печати.

Свою мировоззренческую позицию М.Н. Катков не связывал ни с либерализмом, ни с консерватизмом, полагая, что эти учения тесно переплетены и само общественное развитие – есть борьба прогресса и старины, реформ и реакции. Вместе с тем, в его трудах можно обнаружить симпатии к охранительной идеологии. Так, в одном месте публицист указывает: «Мы никогда не искали чести принадлежать к какой-нибудь из наших партий, мы никогда не соглашались быть органом какого-нибудь кружка. Ни звание прогрессиста, ни звание консерватора не заключало в себе ничего для нас пленительного». А в другом месте Михаил Никифорович прямо себя причисляет к сторонникам эволюционизма в политике, тем, кто выступает за сохранение достигнутых в обществе и государстве устоев: «Все, что в жизни образовалось, все существующее, естественно, должно заботиться о сохранении, и об улучшении своего существования. Людям весьма естественно чувствовать с особенной силой тот интерес, которому они служат, и действовать с особенной энергией в пользу того начала, которое создает и держит их»¹⁷.

В публицистике М.Н. Каткова сформировался своего рода закон целесообразного соотношения консерватизм и прогрессизма, когда охранительство не ведет к защите архаических институтов и позволяет двигаться обществу вперед на основе существующих социальных сил и устоев, а прогрессизм не зовет к аморфным и недостижимым целям за счет революций и радикальных средств. По сути дела – это путь созидания на основе сохранения лучшего, полезного, вечного, необходимого для существования общества и его духовности. Такой вариант развития обходит стороной концепции переустройства на основе ломки и социальных взрывов. Идеал социального развития для М.Н. Каткова, как и для других консерваторов, – это поступательное, органичное развертывание потенциала существующих социальных институтов.

Сущность охранительства М.Н. Катков выразил следующим образом: «В чем состоит назначение истинно охранительного начала? В чем заключается сущность и цель прогресса? Истинно прогрессивное направление должно быть, в сущности, консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к этой цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче оно должно держаться тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней. Все, что будет клониться у искоренению какого-либо существенного элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направлению.

Всякое улучшение должно происходить на основании существующего; этому учит нас природа во всех своих формах и формациях. Тот же закон господствует и в истории: всякое преобразование, всякое усовершенствование может происходить только на основании существующего с сохранением всех его сил, всех его значительных элементов»¹⁸.

При этом речи и нет в рассуждениях редактора «Московских ведомостей» о том, что охранительство служит застою, неизменности общественных форм жизни. Напротив, М.Н. Катков показывает, что истинное охранительство обеспечивает преемственность не форм, а начал, ценностей народной жизни. Формы могут быть отвергнуты, главное сохранить начала, архетипы, сущностные начала русской жизни – самодержавие, православную веру, народный быт, единство государство, силу русской крестьянской общины и т.п. По словам М.Н. Каткова: «Истинным предметом хранения должны быть не формы, а начала, которые в них живут и дают им смысл. Всякая опасность, которой подвергается какое-либо начало, живущее в обществе, вызывает в чуткой среде проявление охранительных сил. Интерес охранительный состоит не в том, чтобы помешать дальнейшему развитию начала, которое ему дорого, но чтоб обеспечить и оградить его существование. Консерватизм есть живая, великая сила, когда она чувствуется в глубоких корнях жизни, а не в поверхностных явлениях, когда он относится к существованию зиждательных начал человеческой жизни, в не к формам, в которых они являются»¹⁹.

Анализ работ М.Н. Каткова еще раз приводит к убеждению, что консерваторы, в отличие и радикальные охранители, были чужды идеям застоя и неподвижности. Суть охранительства для них была не в косности и возвеличивании умирающих форм социальной жизни, а развитию на основе сохранения. Лозунг консерватизма не «долой реформы», а «прогресс базе сохранения, защиты, ограждения». Сам М.Н. Катков не раз подчеркивал диалектику взаимоотношений консерватизма и прогрессизма: «Чуткий, понимающий себя консерватизм не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересе своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого...Его очень естественно, более заботит сохранение этих существенных начал, нежели конечный результат. Истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным»²⁰.

Политико-правовая концепция М.Н. Каткова была основана на идее духовного единства русского народа и царя. Именно в фигуре самодержца он видел фундамент русского

¹⁷ Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 104 – 105.

¹⁸ Катков М. Н. Указ. соч. С. 107.

¹⁹ Катков М.Н. Указ. соч. С. 111.

²⁰ Катков М.Н. Указ. соч. С. 111.

государства, основу независимости Российской Империи и сохранения русского народа и его православной культуры. В связи, с чем все идеи ограничения царской власти, и тем более социалистические учения им отвергались как опасные для русской культуры. В мировоззрении М.Н. Каткова проглядывают черты будущей идеи И.Л. Солоневича и И.А. Ильина о том, что в сфере ментальности русский народ преданным делу монархизма. В статье «Свобода и власть» он напишет: «Единая, безусловно свободная и бесспорная Верховная власть есть великое благо русского народа, завещанное ему предками и добытое их трудом и кровью. Никакое человеческое дело не изъято из ошибок и злоупотреблений, никакие государственные учреждения не могут обеспечить от них. Но прискорбные случайности – дело преходящее, лишь бы основания не колебались, лишь бы самое начало власти оставалось цело и невредимо. С самодержавной властью Русского Государя неразрывно соединено само существование России. Незыблемая и свободная Верховная власть, какая Богом дарована Русскому Государю, всего вернее обеспечивает народное благо и всего лучше может способствовать ему. За то все, что есть в России русского, и здравомыслящего, и честного, все должно стоять на страже этого великого начала. Вот правильное и истинное русское отношение между царем и народом: царь за весь народ, весь народ за царя»²¹.

М.Н. Катков критически относился к выпадам тех сил, которые оценивали самодержавие как деспотическое правление, уничтожающее свободу в обществе. На взгляд публициста, напротив, самодержавие как нельзя лучше обеспечивает свободу подданных. Парламентский же строй ведет к порабощению меньшинства большинством или правлению бессовестных олигархов, обеспечивающих себе поддержку покупкой средств массой информации и пропагандой лжи. Идеолог охранительства замечает: «Государство не находится в антагонизме со свободой, напротив, свобода, возможна только его в ограде, но при условии сильной власти, способной защитить личную свободу людей от всякого насилия и вынуждения»²².

По мысли М.Н. Каткова самодержавие – эта та сила, которая стоит над всеми сословными и частными интересами, а потому и служит во благо народа. Царь способен поступиться интересами отдельных классов, партий для обеспечения общего порядка и безопасности. «Только по недоразумению думают, что монархия и самодержавие исключают «народную свободу», – пишет М.Н. Катков, – ; на самом же деле она обеспечивает ее более, чем всякий шаблонный конституционализм. Только самодержавный царь мог, без всякой революции, одним своим манифестом освободить 20 миллионов рабов, и не только освободить

лично, но и наделить их землей. Дело не словах и букве, а в духе, все оживляющем»²³.

Политико-правовой идеал России М.Н. Каткова основывался на ряде постулатов:

1. **Идея органического, эволюционного развития общества;**
2. **Самодержавие – русская твердыня, сохраняющая и берегающая русский народ и его духовную культуру;**
3. **Царь и народ образуют единую мистическую связь, служа друг другу:** «Россия сильна именно тем, что народ ее не отделяет себя от своего государя. Не в этом ли единственно заключается то священное значение, которое русский царь имеет для русского народа»²⁴;
4. **Самодержавие сочетается с народным самоуправлением и личной свободой:** «В лице Монарха общество владеет самой сильной центральной властью для подавления всякой крамолы и устранения всех препятствий к народному благу. Оно же, упраздняя всякую другую власть, дает место и самому широкому самоуправлению, какого может требовать благо самого народа, – народа, а не партий»²⁵.
5. **Идея государственного единства при религиозно-национальном плюрализме и автономии.** Очень точно передал М.Н. Катков характерную для России черту всечеловечности в сфере национальной политики: «мы приобрели бессознательную склонность давать не только особое положение инородческим элементам, но и сообщать им преимущества над русской народностью и тем самым развивать в них не только стремление к отдельности, но и чувство гордости своей отдельностью; мы приобрели склонность унижать свою народность. Но естественные условия, в которых находится русская народность, так благоприятны, что все эти искусственные причины, клонящиеся, чтобы обессилить ее, до сих пор не могли значительно повредить ей. Почти нет другого примера, чтобы народность, объемлющая собой почти 60 миллионов людей, представляла такое единство, как народность русская: так велика ее природная сила»²⁶.
6. **Идея первенства обязанностей над их правами, долга, совести над свободой.** М.Н. Катков писал: «Говорят, что Россия лишена политической свободы, говорят, что хотя русским подданным и предоставляется законная гражданская свобода, но что они не имеют прав политических. Русские подданные имеют нечто более чем политические права: они имеют политические

²¹ Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 91.

²² Катков М. Н. Указ. соч. С. 91.

²³ Катков М. Н. Указ. соч. С. 87.

²⁴ Московские ведомости. 1867. № 88.

²⁵ Катков М. Н. Указ. соч. С. 87.

²⁶ Катков М. Н. Указ. соч. С. 79.

обязанности. Каждый из русских подданных должен стоять на страже прав Верховной власти и заботиться о пользах государства. Каждый не то, что имеет только права принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользах, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот наша конституция. Она вся, без параграфов, содержится в краткой формуле нашей государственной присяге на верность»²⁷.

Резко негативно отзываясь о русской интеллигенции, или как он ее называл «иностранный интеллигенции», М.Н. Катков в русском народе усматривал целый ряд положительных качеств. **Если интеллигенция, осмеивала все национальное, преклонялась перед западноевропейским, бичевала себя и уничижалась, то русский простой народ смог сохранить лучшие свойства русского характера – приверженность старине, богобоязненность, могучая духовность и жертвенность, любовь к традициям и вера в Царя. Примечательно, что для Михаила Никифоровича охранительство, консервативные устремления – одна из черт русского национального самосознания.** Так, он полагал, что «ни один народ так крепко не отстаивал своей старины, ни один народ не оказывал такого упорства в хранении своего обычая; ни один народ не содержит в себе такой силы охранительного начала, как русский. Менее всего можно упрекнуть русского человека в излишней уступчивости или в излишней податливости. Об этом свидетельствует история; об этом свидетельствуют миллионы русского люда, подвергавшиеся в продолжение веков всевозможным гонениям и козням»²⁸.

Библиография:

1. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия// Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т.1. № 350. 1881 – 1913.
2. Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв. (князь В.П. Мещерский). – СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 418 с
3. Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов./ Под ред. Ю. С. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск-го унив-та, 1996.

4. Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 83.
5. Проект записки о реформе судебных учреждений// Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 185 – 190.
6. Боханов А.Н. Император Александр III. –М.: ООО «ТИД Русское слово – РС», 2009. – 512 с.
7. К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1996. С. 84.
8. Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
9. Московские ведомости. 1867. № 88.
10. Московские ведомости. 1886. № 341.

References (transliteration):

1. Polozhenie o merakh k okhraneniyu gosudarstvennogo poriyadka i obshchestvennogo spokoystviya//Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie tret'e. T.1. № 350. 1881 – 1913.
2. Kartsov A.S. Russkiy konservatizm vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. (knyaz' V.P. Meshcherskiy). – SPb.: izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 418 s
3. Gosudarstvo rossiyskoe: vlast' i obshchestvo. S drevneyshikh vremen do nashikh dney. Sbornik dokumentov./ Pod red. Yu.S. Kukushkina. – M.: Izd-vo Mosk-go univ-ta, 1996.
4. Pobedonostsev K.P. Taynyy pravitel' Rossi: K.P. Pobedonostsev i ego korrespondenty. M.: Russkaya kniga, 2001. S. 83.
5. Proekt zapiski o reforme sudebnykh uchrezhdeniy// Pobedonostsev K.P. Taynyy pravitel' Rossi: K.P. Pobedonostsev i ego korrespondenty. M.: Russkaya kniga, 2001. S. 185 – 190.
6. Bokhanov A.N. Imperator Aleksandr III. –М.: ООО «ТИД Русское слово – RS», 2009. – 512 s.
7. K.P. Pobedonostsev: pro et contra. SPb.: RKhGI, 1996. S. 84.
8. Katkov M.N. Ideologiya okhranitel'stva. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2009.
9. Moskovskie vedomosti. 1867. № 88.
10. Moskovskie vedomosti. 1886. № 341.

²⁷ Московские ведомости. 1886. № 341.

²⁸ Катков М. Н. Указ. соч. С. 392.